

Когда император окончательно укрепился на троне, он стал относиться к подобным вещам гораздо спокойнее. Именно поэтому он искренне привязался к своему дяде.

Янь Сянфэй вышел из кареты, и одного взгляда на его манеры было достаточно, чтобы понять — этот человек занимает далеко не последнее место в обществе. Гу Хаоцин внешне склонил голову в почтительном жесте, однако его взгляд невольно цеплялся за высокопоставленного гостя.

Первое, что он почувствовал, было не благоговение перед титулом, столь важным в эту эпоху, и не подавляющее влияние ауры этого человека. Его поразило смутное чувство узнавания. Гу Хаоцин лихорадочно пытался вспомнить, где мог видеть этого ванье раньше. Человека с таким статным видом он просто не мог забыть.

Вскоре в памяти всплыл нужный образ. Он впервые встретил его в своем ресторане. Было время, когда этот господин заходил туда ежедневно, чтобы отведать новые блюда.

В ресторане всегда было полно народу, и хотя Гу Хаоцин гордился своей памятью, он не мог запомнить каждого гостя. Но этот ванье со своей аристократичной статью и свитой из явно не простых охранников, сидящий в общем зале среди обычных людей, выделялся подобно журавлю в стае кур.

Поскольку статус гостя был очевидно высок, Гу не стремился заводить знакомство, опасаясь, что это поставит его в унижительное положение просителя. Среди ресторанов Цзяннани заведение семьи Гу славилось лучшей репутацией и самыми необычными блюдами. Любые знатные вельможи обычно сами искали общения с ним: хотели выведать рецепты, обсудить дела или просто завести дружбу. Он подсознательно полагал, что и этот человек не станет исключением.

Но этот ванье действительно стал исключением. Появившись несколько раз, он больше не показывался. Зная он тогда, кто это такой, он бы непременно подошел сам!

Если бы удалось получить хоть малую толику внимания от человека, которого так ценит любимая принцесса императора, его дела в столице пошли бы в гору гораздо быстрее. Конечно, нельзя сказать, что Янь Тан не могла ему помочь, но статус женщины был серьезным ограничением. Если бы она начала открыто заниматься делами, другие члены императорской семьи не позволили бы этого.

Гу Хаоцин слегка поклонился, исполнив учтивый поклон, подобающий ученому мужу. Хотя в столице было принято, что знатные особы встречаются на каждом шагу, Гу не был настолько глуп, чтобы сразу бросаться с криками: Приветствую, ванье!

Янь Сянфэй даже не взглянул на него. Выйдя из экипажа, он приподнял полог и протянул руку вглубь кареты.

В глазах Гу Хаоцина в этом не было ничего особенного — для ванъе вполне естественно путешествовать с дамами. А вот принцесса Аньян невольно широко раскрыла глаза, боясь пропустить хоть что-то.

У ванъе Сяня не было супруги, и для императорского двора и министров это не было секретом. Сейчас ему было за тридцать — самый расцвет мужских сил. Многие вельможи мечтали выдать своих дочерей за него, чтобы породниться с таким влиятельным человеком. Однако было общеизвестно, что у ванъе Сяня слишком высокие требования: ни одна из тех жеманных красавиц ему не приглянулась.

Некоторые недалёковидные министры пытались завести разговор о наследниках, на что ванъе отвечал предельно прямо:

— У нас с Вэньланом отношения как у отца с сыном, и я не думаю, что ребенок, рожденный какой-либо женщиной, мог бы быть умнее Вэньлана. Раз так, зачем мне наследники?

Нынешнего императора звали Янь Шувэнь, его второе имя было Вэньлан. Рассуждения ванъе, по правде говоря, не имели особого смысла — каким бы умным ни был император, он не мог продолжить род своего дяди. Но, видя, как радуется император, кто осмелился бы возразить? Никто!

Теперь, наблюдая за действиями ванъе, Янь Тан подсознательно решила, что в карете находится женщина. Говорят, в Цзяннани много красавиц, и то, что одна из них смогла тронуть сердце ее дяди, казалось вполне естественным.

Первое, что она увидела, была изящная рука с безупречно белой кожей, сквозь которую при близком рассмотрении можно было разглядеть тонкие голубоватые вены. Рука была чуть крупнее, чем у обычной женщины, но если дяде нравится, то это не проблема. Затем показался рукав синего цвета, в тон одеянию самого ванъе. Такие широкие рукава скорее подошли бы мужчине. Возможно, ради удобства в пути она переоделась в мужское платье...

Цзи Фань, держась за руку Янь Сяньфэя, поднялся и тут же отпустил её. Он не был женщиной, и хотя тело его было довольно слабым, он не нуждался в поддержке, чтобы выйти из кареты. Он ловко спрыгнул на землю.

Увидев лицо человека в карете, Янь Тан невольно поняла, что ошиблась. Хоть мужчина и выглядел утонченно и благородно, это был, несомненно, мужчина. И костяк, и кадык на шее ясно указывали на его пол.

Но... нежность, с которой дядя относился к нему, была неподдельной. Янь Тан бросила взгляд на охранников — тех, кто годами сопровождал ванъе. Те, казалось, даже не удивились, будто она делает из мухи слона.

На лицах слуг не было ни тени изумления. Они своими глазами видели, как высокомерный ванъе Сянь вел себя с этим молодым господином Гу Хаоянем. За последние полгода отношение

изменилось от вежливого к заботливому, а теперь переросло в почти потакающее баловство. Помочь выйти из кареты? Господин Гу слаб здоровьем, это совершенно обычное дело, что тут такого?

— Старший брат... — неуверенно начал Гу Хаоцин, скрывая за мягким тоном сложное выражение глаз. Он вспомнил. Вспомнил, когда именно ванье перестал посещать ресторан — не в тот ли самый день, когда Гу Хаоянь заявил, что хочет осмотреть семейные предприятия? С того дня ванье словно испарился. А на следующий день Гу Хаоянь объявил, что уезжает в путешествие. Неужели он привлек внимание этого важного господина, используя ресторан?

Гу Хаоцина охватили сомнения. Если это так, то отъезд Гу Хаояня мог быть заранее оговорен с ванье. Он больше месяца держал людей, следивших за ним, но не нашел ни следа, иначе он не был бы так спокоен насчет путешествия брата. Было ли это просто совпадением или спланированной акцией?

Цзи Фань кивнул Гу Хаоцину, взглянул на вывеску Ресторан семьи Гу, а затем снова на самого Хаоцина. Место для ресторана в столице было выбрано неплохое, хотя и не лучшее. Вероятно, принцесса Аньян приложила к этому руку. Раз она готова не беречь свою репутацию ради него, значит, Гу Хаоцин умеет обращаться с женщинами.

Янь Тан тоже удивилась такому совпадению. Старший брат Гу Хаоцина оказался старым знакомым её дяди, и это её очень порадовало.

На улице было не место для разговоров, и Гу Хаоцин поспешил проводить гостей в кабинет на третьем этаже. Над звукоизоляцией здесь потрудились на славу. Многие сделки, о которых не должны были знать посторонние, совершались именно в таких комнатах.

— Аньян приветствует дядю! — как только дверь закрылась, Янь Тан поспешила поклониться. Этот дядя был единственным братом покойного императора. Род императора был не так уж мал, но они редко доживали до зрелости. Нынешняя спокойная жизнь императорской семьи была редкостью для истории.

— Цинъинь приветствует ванье! — поклонилась личная служанка.

— Простолюдин Гу Хаоцин приветствует ванье! — хотя Гу Хаоцину претили древние ритуалы, за долгое время он к ним привык. Если бы он продолжал упорствовать, его бы не стали терпеть, а просто вышвырнули как чужеродный элемент.

Цзи Фань спокойно сидел в стороне, оставаясь единственным, кто не встал во время поклонов. Когда взгляд принцессы упал на него, он тоже хотел подняться, но едва начал движение, как Янь Сяньфэй прижал его плечо к стулу.

— За пределами дворцовых ворот эти формальности ни к чему, — сказал Янь Сяньфэй, и эти слова были адресованы скорее Гу Хаояню, чем Янь Тан. Смысл был очевиден: Хаояню

кланяться не нужно. Янь Сянфэй не считал свое поведение неуместным — тот, кто ему приглянулся, не должен кланяться племянникам.

— Благодарю, дядя! — Янь Тан поднялась, с любопытством поглядывая на Гу Хаояня.

Янь Сянфэй слегка кивнул. Он мельком взглянул на лицо Гу Хаоцина: тот формально соблюдал правила, но кто знает, была ли в этом искренность?

Янь Сянфэй был подозрителен, но не без причины. Просто Гу Хаоянь был ему глубоко симпатичен, а значит, он готов был любить всё, что любил Хаоянь, и ненавидеть всё, что было ему противно. Глядя на Гу Хаоцина, который пытался интриговать против Хаояня, он даже в безупречном поведении находил изъян. Искал кость в яйце: нет ошибки — так придумает!

— Я уже послал весточку императору, что скоро буду во дворце. Анянь, что за дело у тебя такое, что его нельзя было обсудить уже там?

Цзи Фань поднес чашку к губам, скрывая усмешку. Говорит, что на улице формальности не нужны, а сам держится за свой статус больше всех. Сказал это свое «Я, ванъе», и теперь ни принцесса, ни Гу Хаоцин не могут расслабиться. В конечном счете, это была лишь защита в его адрес. И такая опека ему, конечно, нравилась.

С самой первой встречи с Янь Сянфэем Цзи Фань понял, что поклонов не избежать. У него не было принципа «у мужчины золото в коленях», он знал цену обстоятельствам. В феодальном обществе проповедовать равенство — значит идти на смерть. Конечно, если можно не кланяться — еще лучше! Он не любил смотреть на людей снизу вверх.

— У меня нет особого дела. Просто я знаю, что дядя ценит изысканную еду, а Гу Хаоцин привез из Цзяннани множество новых деликатесов. Вот я и пригласила вас попробовать.

— Хм? Цзяннаньские деликатесы? Не припомню, чтобы кроме Чайной Юфан что-то еще могло называться настоящим вкусом Цзяннани, — Янь Сянфэй не стал щадить самолюбие принцессы, прямо выразив свое восхищение Чайной Юфан. Он не упускал ни единого шанса поднять авторитет Гу Хаояня.

— Чайная Юфан действительно очень популярна в Цзяннани, говорят, сам отшельник Юфан сейчас путешествует в сторону столицы. Но здесь её пока нет. Как только он прибудет, я первая закажу для вас банкет из самых свежих продуктов. А пока попробуйте блюда этого ресторана — пусть они не сравнятся с Чайной Юфан, но в них есть своя изюминка!

Янь Тан слепо доверяла Гу Хаоцину. Хотя она краем уха слышала о Чайной Юфан, она не верила, что та может быть лучше блюд, придуманных Хаоцином.

— Что ж, раз это от чистого сердца, попробуем, — наконец согласился Янь Сянфэй.

— Хаоцин, чего же ты ждешь? Прикажи кухне готовить! — Янь Тан улыбнулась, считая, что дело в шляпе. Она больше не скрывала своей близости с Гу Хаоцином и отдала распоряжение.

— Я уже распорядился, просто ждал вашего слова! Сейчас всё подадут! — Гу Хаоцин лично открыл дверь и направился на кухню. Он действительно дал указания заранее.

Он очень дорожил этим шансом сблизиться с ванъе. К тому же, в нем взыграло самолюбие — он Гу Хаоцин, и он ничем не хуже Гу Хаояня! Хаоянь использует местные рецепты, а он — свои собственные творения! По крайней мере, в глазах людей этой эпохи это были его личные разработки.

Гу Хаоцин быстро вернулся, а следом за ним потянулись слуги с дымящимися блюдами. Янь Сянфэй даже не удостоил их вниманием, лишь мельком взглянул на стол. Блюда действительно выглядели новыми, лишь малая часть пересекалась с тем, что он пробовал раньше.

— Хаоянь, попробуй тоже, — Янь Сянфэй подвинул чашку и палочки к Гу Хаояню, и только потом сам принялся за еду. Едва попробовав, он понял, что по сравнению с тем, что он ел в ресторане семьи Гу полгода назад, прогресс был.

Но... всё равно чего-то не хватало. Сделав по одному укусу, он отложил палочки. Подняв взгляд на Гу Хаояня, он увидел, что тот уже допивал чай. На его лице играла легкая улыбка, скрывающая истинные мысли.

Слегка опущенные веки и длинные ресницы, похожие на маленькие щеточки, вызвали странное волнение. Янь Сянфэй тоже взял чашку, коря себя за слабеющую выдержку. Если бы не то, как Гу Хаоянь выходил из кареты, он бы считал себя образцом благородства. Значит, дело не в его выдержке, а в том, что перед ним — настоящий искуситель.

— Как вам, дядя? Это первый раз, когда я пробую подобное! Даже на императорской кухне такого нет, — Янь Тан с надеждой ждала похвалы.

— Не хватает тонкости, — Янь Сянфэй говорил с оттенком баловства, но Цзи Фань заметил, что в глазах ванъе промелькнуло раздражение. — Аньян, на императорской кухне много чего нет. Например, простых деревенских лепешек — может, они и покажутся тебе новинкой, но народ на них даже не взглянет. Просто дань моде.

Янь Сянфэй не считал, что иметь чувства — это плохо. Если человек не думает о личном, а только о долге, то он не человек, а бог. Но нужно знать, есть ли у тебя право на эти чувства.

Никто не смел ограничивать Янь Сянфэя в его выборе. Но на каком основании принцесса Аньян позволяет себе так открыто выставлять свои чувства, не заботясь о репутации? Из-за любви императора? Император может любить кого угодно, но он не имеет права жертвовать страной ради одного человека.

В этом, кстати, была одна из причин, почему сам Янь Сянфэй не взошел на трон. Он был талантлив и способен, но у него не было готовности пожертвовать собой ради государства. Все говорили, что он самый скромный и не заботится о статусе, предпочитая природу. Никто не знал, что он был просто слишком эгоистичен.

— Как это? — Янь Тан была искренне удивлена. Она впервые слышала критику в адрес своего ресторана. Если бы это сказал кто-то другой, она бы его отчитала. Но перед ней был самый почитаемый ею дядя, и она не удержалась от вопроса. — Все, кто был здесь, говорят, что это невероятно ново!

— Это действительно ново. Но мастерство огня, сочетание специй — всё немного не дотягивает. Если по тем же рецептам приготовят повара императорской кухни, вкус станет намного лучше! — продолжал Янь Сянфэй.

Поваров в ресторан семьи Гу нанимали за огромные деньги после тщательной проверки. Только убедившись в их верности, Гу Хаоцин доверял им свои секреты. Для простого народа они были лучшими, но в сравнении с дворцовыми мастерами — проигрывали.

В этом плане Гу Хаоянь был куда мудрее. Он не гнался за количеством блюд, предлагая только местные деликатесы. И готовили у него не профессионалы, а обычные деревенские женщины, знающие толк в местной кухне. Может, они не владели изысканными техниками, но вкус гарантировали. Хаоянь не пытался их переделывать, а просто нанял одного профессионала, который красиво оформлял подачу.

Способ работы Чайной Юфан тоже поражал людей той эпохи. Например, если в столице хотели попробовать цзяннаньское блюдо — а путь занимал семь-восемь дней — это было возможно! Заказ! Чайная Юфан присылала повара из Цзяннани со свежайшими продуктами, он готовил, а потом уезжал обратно. Если расстояние было небольшим, еду доставляли курьеры с навыками боевых искусств.

Звучит хлопотно, затратно. Но вельможи были в восторге! Они считали такой заказ признаком высокого статуса. Даже если вкус был средним, сама искренность подкупала. То, что принцесса Аньян, не особо жалуя Чайную Юфан, всё равно упоминала о заказах, говорило о многом.

— Если дать рецепты, императорская кухня сможет сделать лучше? — Янь Тан всё еще сомневалась. Она повернулась к Гу Хаоцину: — Хаоцин, запиши рецепты этих блюд. Я велю поварам приготовить, попробуем. Если вкус будет хорош, брат-император и его супруга будут очень довольны!

— Хорошо... — как бы ни сопротивлялся Гу Хаоцин, разве мог он отказать принцессе? Если рецепты попадут во дворец, они перестанут быть секретом для всей столичной знати.

А ведь он отказывал стольким людям, ссылаясь на эксклюзивность. Конечно, поднести дар императорской семье — дело обычное. В Поднебесной всё принадлежит императору. Но

некоторые люди с узким кругозором могли затаить обиду. А отказать принцессе? Если она рассердится, не говоря уже о том, что их отношения могут закончиться, так еще и ванье составит о нем самое худшее мнение.

Цзи Фань с восхищением смотрел на принцессу. То, что она сделала, было для Гу Хаоцина ударом под дых! Больше всего его поражало, что она сама этого даже не осознавала. В эту эпоху величие императорской семьи было в крови у всех. Всё лучшее принадлежит им по праву. Но Гу Хаоцин — современный человек, попавший в другое время. Ему наверняка сейчас очень больно!

В сюжете истории Гу Хаоцин действительно передал часть рецептов императорской семье. Но тогда ресторан семьи Гу уже стал монополистом, контролирующим коммерческие артерии страны. Это был жест доброй воли. Сейчас же, когда принцесса сама вытребовала рецепты, даже если император останется доволен, выгода достанется не ему.

— Хм? Так даже лучше. Хаоянь, какое блюдо тебе нравится? Как только императорские повара доведут рецепт до совершенства, я переведу нескольких в Чайную Юфан, — Янь Сяньфэй не видел в своих словах ничего странного. Раз Хаоянь возил его по всему Цзяннаню, он хотел разделить с ним всё самое лучшее. А перевести поваров — дело плевое. Императорская кухня всегда переполнена, на каждого знатного вельможу приходится повар.

У ванье Сяня их было даже несколько. Раз уж он собирается проводить в Чайной Юфан больше времени, чем в собственном дворце, нет ничего странного в том, чтобы взять поваров с собой.

Эти слова заставили Гу Хаоцина едва ли не выплюнуть кровь. Он смотрел на Гу Хаояня с такой ненавистью, что готов был его убить. Рецепты, которые он выстрадал, теперь с легкостью достанутся Хаояню! Как тут не злиться? Если бы не вмешательство этого ванье, как бы ни развивалась Чайная Юфан, рано или поздно она оказалась бы в его руках.

<http://bllate.org/book/21685/2236748>